

Глеб Васильев

ТРИ ТОЛСТУШКИ

Книга Нехилых Перемен

Глеб Васильев

**Три Толстушки: Книга
Нехилых Перемен**

«Автор»

2016

Васильев Г. А.

Три Толстушки: Книга Нехилых Перемен / Г. А. Васильев —
«Автор», 2016

Перед вами кислотный ремейк сказочной повести «Три Толстяка», написанной Юрием Олешей почти сто лет назад! В фантастической стране под управлением Трёх Толстухек назрел народный бунт, вдохновленный наркоторговцем Сеткиным и артистом Канатовым. В то же самое время по воле злого рока ломается любимый киборг наследницы престола и доктору Сержу Гаспаряну выпадает честь починить его, что в принципе невозможно. Во дворец под видом киборга наследницы отправляется трудный подросток Сучок, который похож на сломанного андроида как две капли воды. Никто даже не подозревает, к чему это приведёт. **ОСТОРОЖНО!** В романе присутствуют сцены употребления всевозможных веществ, секса различных традиций, а также насилия над людьми, животными и киборгами.

© Васильев Г. А., 2016

© Автор, 2016

Предисловие

Предисловие, серьезно? Да, действительно, это именно оно. М-да, предисловие... Никогда раньше не писал предисловий, и вот на тебе – пожалуйста. Конечно, мог бы изящно и лаконично обойтись без предисловия, но, увы, в этой книге оно уместно и оправдано. Можно сказать, что это мой предисловный дебют. Или что я сейчас прямо на ваших глазах лишуюсь предисловной девственности. И даже, что... Нет, пожалуй, людям впечатлительным в той или иной мере, как и их равнодушным собратьям по интеллекту, вполне хватит и этих образов.

Итак, предисловие.

В далеком и, думаю, суровом 1924 году русско-советский литератор Юрий Карлович Олеша написал роман-сказку «Три толстяка». Революция, окончательно победившая Россию (или в России – кому как больше или меньше нравится), на тот момент была 7-летней девочкой, а Мир, пришедший на смену Гражданской Войне, – 2-летним младенцем. Сам Юрий Карлович тоже был весьма молод – 25 лет отроду. И вот молодой человек создал волшебный и даже «волшебный» во многих отношениях текст о трех бесстыжих и бессердечных толстяках-угнетателях, сердечно ненавидимых народом.

Относительно недавно, одним дождливым вечером осени 2016 года я шел по улице Народного Ополчения. Передо мной неспешно плыли три молодые особы – пышные и с зонтиками. Они беззаботно болтали о чем-то своем и весело смеялись. Улыбчивые девушки выглядели чрезвычайно мило. Возможно, беседа их касалась веры, надежды, любви, живописного или поэтического искусства, пушистых котят либо чего-то другого не менее возвышенного и прекрасного. Но существовала одна проблема – собой, своими телами и зонтиками они перекрывали весь тротуар, и обойти их не было ни малейшей возможности.

Образ трех облачно-воздушных и при этом совершенно «необходимых» толстушек (а, быть может, и название улицы Народного Ополчения сыграло свою роль), пробудил воспоминания о книге «Три толстяка».

«Три толстяка» – мне, родившемуся в Советском Союзе в тот последний год, когда уже далеко не здравствовал, но еще более-менее существовал Леонид Ильич Брежнев, родители читали эту книгу перед сном. С той поры прошло более четверти века. Революционные сказки давно вышли из моды, а кинофильмы, поставленные по ним, исчезли с телевизионных экранов. Тем не менее, в моей памяти сохранилась фабула «Трех Толстяков». Лихой сюжет, в котором простой трудолюбивый Народ некой безымянной страны под предводительством оружейника Просперо и гимнаста Тибула ведет ожесточенную борьбу с Государственной Машиной Зла и Несправедливости, управляемой Тремя Толстяками. Народ тотально беден, а Толстяки и все госслужащие не только запредельно алчны и жестоки, но и фатально глупы. Народу помогают могущественные силы. Ум, честь и совесть всей страны – доктор Гаспар Арнери внедряет в замок цирковую артистку Суок, принявшую вид любимой куклы толстяцкого наследника Тутти. Благодаря удачным действиям малолетней диверсантки, своевременному ренегатству регулярных войск, шустро переметнувшихся на сторону повстанцев, и беспросветной тупости Трех Толстяков и их министров, революция проходит на ура. Все богатые и толстые оказываются за бортом корабля истории, а все нищие и тощие радостно пляшут и поют. Полный хеппи-энд.

Под впечатлением от случайной встречи на дождливой улице и действием воспоминаний о «Трех толстяках» у меня родилась задумка – взять сюжет сказки Олешки и заменить в ней жадных и скудоумных кровопийц-толстяков прекраснодушными дамами, радеющими о благе и процветании народа вверенной им страны.

Как обычно поступает человек, задумав склепать ремейк чего-нибудь? Я представляю себе это так: он тщательно изучает оригинал, решает, какие компоненты будут модифицированы, что останется без изменений, и от чего стоит вообще избавиться. Он запоминает сюжет и особенности персонажей, чтобы использовать их по собственному разумению. По сути, такой ремейко-творец заглядывает в конец книги и, придумав финал, инкрустирует мясо текста деталями, которые к этому финалу должны привести. Если же финал остается неизменным, писатель работает только с декорациями (например, внедряет Зомби в роман «Гордость и предубеждение»). Или переносит действие из отдаленного прошлого в современность (как любят сейчас поступать с Шерлоком Холмсом). Или заменяет всех персонажей-мужчин на женщин и наоборот (как в новых «Охотниках за приведениями»). В любом случае, все базируется на твердом знании исходного материала.

Я же создание «Трех Толстухек» превратил в особого рода игру. Раздобыв электронную версию книги «Три толстяка», я принялся за хирургическую операцию в режиме реального времени безо всяких правил и анестезии. Не заглядывая вперед ни на один абзац, я синхронно переводил и перекраивал текст – строчку за строчкой. Пусть я в общих чертах помнил сюжетную линию оригинала, «Три толстяка» таили для меня множество сюрпризов. Я понятия не имел, что скажет или сделает тот или иной персонаж Олешки в следующий момент, при том, что у меня к моменту настоящего этот персонаж уже успевал наговорить и натворить всякого. Приходилось выкручиваться – не оборачиваясь, на ходу подбрасывать в печку истории новые обстоятельства, которые бы не дали двигателю повествования заглохнуть, а логике – протухнуть. В результате роман «Три Толстушки» получился экспромтом, во многом неожиданным для меня самого.

Современниками произведение Юрия Олешки было принято неоднозначно. Осип Мандельштам высказался о «Трех толстяках» следующим образом: «это хрустально-прозрачная проза, насквозь пронизанная огнем революции, книга европейского масштаба». Дочь Корнея Чуковского Лидия, видный редактор, публицист и диссидент, осталась недовольна тем, что «мир, создаваемый Олешей, – это мир вещей, а не мир человеческих чувств», и, к тому же «основная тема тонет в капризах сюжета». Рецензия на «Трех толстяков», опубликованная в еженедельнике «Читатель и писатель», была озаглавлена и вовсе обидным образом – «Как не следует писать книги». Сам я не стану оценивать ни художественную ценность сказки Юрия Карловича, ни особенности его литературной выразительности хотя бы по соображениям этики и писательской солидарности.

Как и в «Трех толстяках», в «Трех Толстухках» есть все: хрустальная проза, европейские огонечки, мир вещей, капризы сюжета и развернутое руководство о том, как не стоит писать книги. Кроме того в романе присутствуют сцены употребления всевозможных веществ, секса различных традиций, насилия над людьми, животными и киборгами. В свою защиту (хотя, вероятно, мои слова могут быть использованы против меня) скажу, что работа над «Тремя Толстухками» принесла мне истинное наслаждение.

Часть первая

Артист Канатов

Глава I

Не лучший день доктора Гаспаряна

Лучшие времена закончились. Велика вероятность, что они и вовсе никогда не начинались. Их придумали, чтобы маленьким детям было не так страшно взрослеть. К тому же некоторые болтуны умеют так вдохновенно сочинять, и рассказы их о лучших временах так убедительны, что не только дети, но и многие простодушные взрослые принимают выдумку за правду. И верят в то, чего никогда не было. Надеются на то, чего никогда не будет. И любят. Просто любят, насколько бы плохи времена ни были.

В одно из не самых лучших, но и далеко не худших времен случилось родиться одному человеку. Его фамилия была Гаспарян – в точности как у его папы, дедушки, прадедушки и так далее. Звали нашего Гаспаряна Сержем, в отличие от папы Артура, дедушки Гамлета и прадедушки Мэлора. Как и все мужчины в роду Гаспарянов, Серж стал доктором – выбирать ему не приходилось. Папа Артур с малолетства твердил Сержу, что доктор не просто человек, а существо, наделенное сверх способностями, практически волшебник. Талантливый доктор, говорил Артур Гаспарян, может что угодно, даже вылечить совершенно здорового человека и получить за это баснословное вознаграждение. Или заработать кучу денег, всего лишь наблюдая за уходом из жизни безнадежно больного.

Ребенок, простодушный человек и любой другой, кто верил в волшебство, мог бы легко принять Сержа за чудотворца. Но Серж был всего лишь доктором, выросшим из мальчика, который в школе не спал на уроках, а учился. Доктором, получившимся из юноши-студента, который не прогуливал лекции, а пытался впитать в себя как можно больше знаний. Доктором, который верил, что способен на большее, чем вылечить здорового и не навредить умирающему.

О Серже Гаспаряне и его удивительных способностях знали все: и полицейский, и налоговый инспектор, и министр здравоохранения. А студенты сочинили о нем целую песню с таким припевом:

Как лечить энцефалит,
Что поделать, если СПИД,
Или гвоздь застрял в глазу,
Или прыщик на носу, -
Доктор Серж – поможет он,
И попросит миллион

Что правда, то правда. Доктор Гаспарян был действительно талантливым и весьма высоко оплачиваемым врачом.

Однажды по весне, в мае, погода выдалась настолько хорошей, что даже в салоне дорогого и чрезвычайно комфортабельного такси, которым обычно пользовался Гаспарян, было бы чувствительно хуже, чем снаружи. Оценив это редкое природное явление, доктор Серж решил изменить своим привычкам, отказаться от вызова такси с услужливым шофером и прогуляться

пешком. К тому же, как бы оправдывая нерациональность своего порыва, он подумал, что сможет во время прогулки повстречать новых пациентов, в том числе и весьма состоятельных.

Гаспарян, не совершавший пеших прогулок со времен студенческой молодости, перед выходом на улицу предпринял все разумные меры предосторожности. Серж надел грязный дырявый плащ, принадлежавший Ивану Никитовичу – его стиральщику-пыли-с-комиксов, скрыл глаза за большими солнцезащитными очками, натянул антибактериальную маску-респиратор и надвинул на нос широкополую шляпу. Никто не смог бы узнать в нем успешного доктора, в чьем бумажнике одних только золотых и платиновых карт было не менее дюжины. Чтобы нежелательные встречи во время прогулки не привели к плачевному исходу, Гаспарян взял тяжелую трость, скрывающую длинный и чрезвычайно острый кинжал, а под плащом за поясом брюк примостил короткоствольный пистолет-автомат с полной обоймой. Еще раз мысленно проверив, не забыл ли он чего, Серж поставил пистолет-автомат на предохранитель и решительно распахнул дверь, отделявшую его от внешнего мира.

День был поистине чудесный: солнце сияло исключительно мягко и равномерно, даря тепло и при этом не угрожая коже ожогами; трава была такой свежей, зеленой и чистой, что ее можно было бы продавать в супермаркете под видом изысканного салата; птицы пели куда лучше любого из популярных артистов эстрады, к тому же совершенно бесплатно; легкий ветерок освежал пуще кондиционера и приносил ароматы, какие и не снились именитым спа-салонам.

– Ай, хорошо! – сказал доктор Гаспарян. – Только все-таки нужно надеть под плащ бронжилет. Весенняя трава может быть обманчива – никогда не знаешь, кто в ней скрывается и чем он вооружен.

Закончив сборы, Серж поправил очки и маску-респиратор, захватил свой ящичек, вроде дипломатического чемоданчика, в котором лежал набор антидотов, кровоостанавливающие средства, антибиотики и два запасных магазина для пистолета-пулемета, и пошел.

Самые прекрасные места были в самом центре города – там, где находился Дворец Трех Толстушек. В пору первой юношеской влюбленности, увы, безответной, доктор Гаспарян часто посещал эти места. Тогда он гулял по огромному парку, посреди которого стоял Дворец Трех Толстушек. Смотрел на зеркальную гладь окружавших его глубоких каналов, наполненных кристально чистой водой. Любовался искусными коваными цветами, украшавшими перила железных мостов, перекинутых через каналы. В парке росли самые интересные породы трав, здесь звенели самые красивые жуки, порхали самые яркие бабочки и пели самые сладкоголосые птицы. Все это производило на молодого Сержа сильное впечатление. «Если здесь так хорошо, то и в других местах все должно быть не так уж плохо. Если любовь моя несчастлива, то только потому что, я еще не нашел ее. Нужно надеяться и верить, верить и надеяться, и любить, пусть пока я еще не знаю – кого», – так думал Гаспарян в те далекие дни одиноких прогулок, о которых у него остались лишь смутные воспоминания. И сейчас эхо этих воспоминаний позвало Сержа, и, вняв этому беззвучному зову, он отправился в самый центр города к парку Трех Толстушек.

«Зря я так долго не пользовался ногами. Совсем неподъемные стали – только переставишь левую, не успеешь отдышаться, как уже пора двигать правую ногу. А ведь когда-то они были легки, пружинили и неслись куда-то вдаль – словно им хотелось немедленно попасть в такие места, о которых даже у головы понятия не было», – подумал доктор Гаспарян. От

тяжести бронезилета, сковывающего грудь, у него заболела спина, да и чемоданчик тянул руку неприятно и казался ношей, от которой хотелось бы избавиться.

Неспешно, но тяжело отдуваясь, изрядно вспотев и утратив всякое удовольствие от прогулки, доктор Гаспарян дошел до площади, за которой начинался городской парк. Вся площадь была запружена народом.

«Разве сегодня среда, пятница или воскресенье? – усомнился доктор. – Так нет же. Сегодня вторник. Но бесплатная раздача еды, лекарств, одежды, книг, спортивного инвентаря и предметов искусства происходит только по средам, пятницам и воскресеньям... Что же здесь происходит?».

Доктор подошел ближе и разглядел в толпе неряшливых парней и девушек с расширенными зрачками пустых глаз; мужчин и женщин в безупречных костюмах с застывшими гримасами брезгливости на лицах; стариков и старух с поджатыми губами и прищуром, демонстрирующим неодобрение; разукрашенных помадами и пудрами существ без возраста и пола, завернутых в ленты ткани, пластика и винила всех цветов радуги; совсем маленьких детишек, звонко чавкающих жевательной резинкой, поедающих конфеты и сэндвичи, облизывающие облачка сахарной ваты и карамельных петушков, гложущих сладкие кукурузные початки и полнотью поглощенных этими занятиями.

Толкаясь, ругаясь, плюясь и норовя оттоптать ноги соседям, все толпились перед воротами, за которыми находился парк и Дворец Трех Толстушек. Огромные, высотой в пять раз выше человеческого роста, железные ворота были наглухо закрыты.

«Почему закрыты ворота? Да потому что я сюда впервые за двадцать лет решил навестись. Везет, как утопленнику» – невесело усмехнулся доктор Гаспарян.

Толпа шумела все громче. Людское море пришло в движение, волнуясь и пуская рябь по своей поверхности. Из-под ворот слышались трески разрываемой ткани, хруст костей и крики злобы и боли.

Доктор подошел к девушке, державшей на руках крохотную собачку в розовой кофточке. Сержу показалось, что девушка выглядит наименее опасно. По крайней мере, хотя бы руки у нее заняты.

– Прошу прощения, вы случайно не знаете, что здесь происходит? Почему народу так много, что за причина его волнения и почему закрыты ворота парка?

– Ты чо, ко мне яйца свои седые подкатываешь что ли, старикан? – фыркнула девушка, смерив Гаспаряна взглядом и тут же закатив глаза.

– Я... нет... вы только не подумайте... я действительно не... – растерялся доктор, сообщая, не пора ли обнажить кинжал или достать пистолет.

– Произвол диктатуры, нарушение прав человека и поругание всех цивилизованных норм и законов – вот чего тут происходит, – косо глянув на мялящего доктора, проворчал лысый старик, стоявший рядом с девушкой. – Полиция не выпускают людей в парк!

– Почему же их не впускают?

– Чтобы они не пришли на помощь к тем, которые уже проникли за ворота и пошли к Дворцу Трех Толстушек.

– Я ничего не понимаю, уважаемый, и прошу меня простить...

– Ты из какого гнезда выпал, кукушонок облезлый? – перебил Сержа старик. – Во всех новостях уже раструбили, что сегодня утром наркоторговец Сеткин и артист Канатов собрали народ и приступили к штурму Дворца Трех Толстушек.

– Торговец наркотиками?..

– Да. Люди Сеткина и Канатова хорошо вооружены, но подступы к Дворцу охраняет полиция и гвардия Трех Толстух. Бойня выйдет, что надо.

И действительно, грохнуло несколько очень далеких выстрелов, на которые толпа ответила восторженным ревом.

«Значит, я чуть не прозевал такое значительное событие. Похоже, пациентов скоро станет в разы больше, – подумал доктор Гаспарян. – Дернул же меня черт отправиться на прогулку именно сегодня и именно сюда...»

В это время, как раскаты грома, пророкотали пушечные залпы. Не только доктор, от испуга выронивший трость и чемоданчик, поспешно отступил на несколько шагов – вся толпа шарахнулась и развалилась. Дети заплакали, растеряв сладости; девушка бросила собачку, и та пронзительно затыкала. Но в мановение ока под непрекращающейся канонадой люди опомнились и подняли шум, перекрывающий грохот орудий. Толпа наседала на ворота и кричала:

– Сеткин! Канатов! Мы с вами!

– Долой Трех Толстух! Долой тиранию! Кайф для всех!

Внезапно оказавшись в бурлящей гуще человеческой массы, доктор пришел в ужас. С него слетела шляпа, упали очки и развязались шнурки, удерживавшие маску-респиратор. Сержа Гаспаряна узнали. Некоторые бросились к нему – то ли ища помощи, то ли желая пожить в содержимым его карманов. Но все они увязли в толпе. Сам доктор чуть не плакал.

– Выпустите меня! Мне нечем дышать! Сердце! Сердце! Сейчас остановится! Задышусь! – хрипел Гаспарян, отчаянно извиваясь среди людских тел, плотно стиснувших его со всех сторон. Наконец, ему удалось просунуть руку под плащ. Едва соображая, что делает, Серж дрожащими пальцами снял пистолет с предохранителя и, не вынимая его из-за пояса, нажал на спусковой крючок. Короткая очередь изорвала брючину и полу плаща, но не тронула самого доктора. Людям, прижатым к Гаспаряну слева, повезло меньше. Кому-то пули угодили в живот, другим раздробили колени и бедра, третьим прошили ступни и голени.

– Проклятые кровопийцы! Они стреляют по нам из башни! Отомстим! Порвем прихвостней Трех Толстух! – завопил кто-то возле самого уха доктора, заглушая крики и стоны раненных.

Толпа, как щепку неся в своем потоке Гаспаряна, устремилась через площадь к улочке, на углу которой стоял дом с высокой старой башней. Вместе с остальными телами доктора затащило сперва в темное затхлое помещение, а потом потянуло вверх по винтовой лестнице. В узкие окошки, похожие на бойницы, проникал свет, но его было очень мало. Кроме того течение людской реки замедляли щербатые каменные ступени и переломанные перила.

На двадцатой ступени подъема в жужжании тысячи голосов промелькнул крик Гаспаряна:

– Ах, у меня лопается сердце, и я потерял каблук!

Когда доктор оказался на последнем этаже он и сам, несмотря на обширные медицинские познания, не мог понять, лопнуло ли его сердце, или еще бьется. Перед глазами Сержа все плыло, ноги подкашивались. Судорожно глотая воздух, он вцепился в каменные перила площадки, расположенной на вершине башни.

– Здесь нет никаких полицаяев! Ушли, мерзавцы! Ничего, попадутся они нам еще! – кричали люди вокруг. – Зато отсюда хорошо виден Дворец! Смотрите, как парни Сеткина и Канатова жмут гвардию Толстух!

Как и все остальные, Гаспарян посмотрел в ту сторону, где происходило сражение. Он увидел, что некогда прекрасный парк уничтожен – разорван снарядами и пережеван гусеничными траками танков и самоходных артиллерийских установок, которые плотным кольцом окружили Дворец. Из их стволов то и дело вырывались вспышки, словно кто-то пускал солнечных зайчиков. Сталкиваясь со стенами и колоннами Дворца, снаряды разрывались, как хлопья серой ваты, оставляли трещины и щербины в штукатурке. Но Дворец был крепок – потеряв изрядную долю замысловатой лепнины и замысловатой резьбы, роднившей его с декоративной шкатулкой, он продолжал стоять под пеленой белого прозрачного дыма. То тут, то там на изрытой земле, смешанной с буйной зеленью и кровью, виднелись распростертые тела людей в гвардейской и полицейской форме. С высоты башни они казались крошечными, как муравьи.

– Наши победили!

– Враг разбит! Толстухи побеждены!

Залпы прекратились, бегущие люди в камуфляжных одеждах приближались к Дворцу. Многие из наступавших падали по дороге, словно ноги им отказывали сильнее, чем доктору Гаспаряну. Казалось, что на обнажившуюся землю и трупы стражей Дворца сыплются лоскутки всех оттенков зеленого.

Бомба просвистела в воздухе и упала в гуцу бегущих.

«В своих же стреляют» – подумал Серж с недоумением. Но людям у Дворца было все равно – они как будто даже не заметили взрыва и новых безжизненных тел – теперь уже в камуфляжной форме.

– Айда к нашим! – крикнул кто-то, и все, кто был на верхушке башни, кинулись обратно вниз, подхватив Гаспаряна, мечтавшего поскорее убраться отсюда, но без сопровождения и вовсе не туда, куда его несло течение.

Квадратный человек, заплывший жиром по самую макушку, в котором лишь прыщавое лицо и три жидких волоска на месте бороды выдавали подростка, зацепился ремнем за какой-то крюк. Он оглянулся, увидел нечто ужасное и заорал на всю площадь:

– Проклятье! Они вот-вот схватят наркоторговца Сеткина! Сейчас же бежим к Дворцу – ворота больше некому охранять!

На площади началась кутерьма. Толпа хлынула к воротам и побежала с площади через бывший сад к обители Трех Толстухек.

Доктор Гаспарян в немыслимом для его физического состояния и возраста прыжке сумел выскользнуть из толпы и примоститься на узком подоконнике возле окошка-бойницы на третьем этаже башни. Он и еще трое, последовавших его примеру, из узкой прорези в каменной стене, содрогаясь, смотрели наружу.

Только один Серж устроился так, что мог выглянуть как следует. Остальные смотрели одним глазом. Доктор тоже смотрел одним глазом. Но и для одного глаза зрелище было достаточно страшное.

Громадные железные ворота распахнулись во всю ширину. Тысячи человек хлынули в эти ворота сразу. Это были юноши и девушки, мужчины и женщины, старики и старухи, дети и существа неясной возрастной и половой принадлежности. Они с яростью толкали друг друга, падали, спотыкаясь о мертвые тела гвардейцев и полицейских, поднимались и бежали дальше. Гаспарян ясно разглядел, как одна девушка, запнувшись о ногу бежавшего перед ней парня, вонзила ему в спину нож, после чего плюнула в него и побежала дальше.

– Смотрите! Смотрите! Сеткин! СЕТ-КИН!!! СЕТ-КИН!!! СЕТ-КИН!!! – донеслось из сердца толпы. Люди подхватили имя своего героя, и скандировали его, не хуже артиллерийских снарядов заставляя землю сотрясаться.

Наркоторговец Сеткин в окружении людей, облаченных в одежды всех оттенков зеленого, шел к Дворцу по только что расстеленной кроваво-красной ковровой дорожке. Сеткин улыбался, а его солнцезащитные очки ловили весенние солнечные лучи и превращали их в яркие искры, как будто бы исходящие из его глаз. Он шел порывистой, но нетвердой походкой. Несколько раз валился прямо в руки сопровождающих, но кое-как снова вставал на ноги и шел дальше. Его черные зачесанные назад волосы были покрыты пуленепробиваемым слоем геля, а шею обвивали толстые золотые цепи.

– Сеткин! Он сам сдался в плен! – выдохнул доктор Гаспарян. – Или... Это какой-то хитрый план! Возможно, что он задумал...

В это время мина, запущенная из бывшего парка, угодила под основание старой башни. Башня наклонилась, качнулась, одну секунду задержалась в косом положении и рухнула. Серж полетел кувыркком, теряя второй каблук, пистолет-пулемет и контактные линзы.

Глава II

Десять лимузинов

Доктор Гаспарян упал счастливо. Он не разбил головы, и ноги у него остались целы. Впрочем, это ничего не значит. Даже и счастливое падение вместе с взорванной башней не совсем приятно, в особенности для человека немолодого, каким был доктор Серж Гаспарян. Во всяком случае, от одного испуга доктор потерял сознание.

Когда он пришел в себя, уже был вечер. Доктор посмотрел вокруг.

– Какая досада! Свои контактные линзы мне, конечно, не отыскать. Когда я смотрю без линз, я, вероятно, вижу так, как видит близорукий человек, если воспользуется линзами. Это очень неприятно.

Потом он поворчал по поводу отломанных каблуков и потерянного пистолета:

– Я и так невелик ростом, а теперь стану на пять сантиметров ниже. Или, может быть, на десять сантиметров? Каблука-то у меня два отломилось... И пистолета потерянного жаль. Маленького роста, немолодой, близорукий, безоружный и состоятельный – теперь я превосходная жертва для любого разбойника. Бронежилет остался, но что с того? Я же не могу спрятаться в него весь целиком, как черепаха в панцирь. Ох, как же я себе не завидую и сочувствую одновременно!

Он лежал на куче щебня. Почти вся башня развалилась. Длинный и узкий кусок стены торчал, как кость. Очень далеко играла музыка. Заводной клубный бит улетал с ветром, пропадал и не возвращался. Доктор поднял голову. Наверху свисали с разных сторон черные поломанные стропила. На зеленоватом вечернем небе блистали звезды.

– Где это играют? – удивился доктор, хоть сам уж давным-давно не посещал дискотеки и понятия не имел, где в городе они находятся сейчас.

Без плаща становилось холодно. Ни один голос не звучал на площади. Доктор, кряхтя, поднялся среди камней, повалившихся друг на дружку. По дороге он зацепился за чей-то кроссовок, поблескивающий светоотражающими вставками. Квадратный подросток с прыщавым лицом лежал, вытянувшись поперек балки, и смотрел в небо. Доктор Гаспарян пошевелил его, но тот не хотел вставать. Он лишь кривлялся и пускал пузыри ртом и носом.

Парнишка был в состоянии сильного наркотического опьянения – в этом Гаспарян, будучи доктором, не сомневался.

– Ну и денек выдался. Прямо хоть ложись рядом с вот этим недотепой, и помирай... Нет, все же, пока воздержусь. Но куда же мне идти? Домой, конечно! Но... проклятье, я не помню, где мой дом! – Серж с досадой потер большую шишку, вскочившую на голове. – Должно быть, при падении пострадал именно тот отдел головного мозга, который отвечает за память. Как же он называется? Тьфу ты, и этого не помню!

Он ушел с площади. На дороге лежали люди; доктор низко наклонялся над каждым и видел, как звезды отражаются в их глазах с расширенными зрачками. Он трогал ладонью их лбы. Они были очень горячие и мокрые от пота, который блестел в лунном свете.

– Вот! Вот! – шептал доктор Гаспарян. – Значит, народ кайфует... Вот почему они не смогли захватить дворец, когда тот был практически у них в руках: что толку от руки, которую

ни поднять, ни сжать не можешь, потому что обдолбался в минус первую степень с последующим делением на ноль и полным вычетом по натуральному основанию... Что же теперь будет?

Через полчаса он добрался до людных мест. Здесь город имел вид, больше походящий на привычный. Кроме неподвижных тел, тут встречались и те, кто еще держался на ногах. Серж очень устал. Ему хотелось есть и пить.

Доктор стоял на перекрестке, отдыхая от долгой ходьбы, и думал: «Как странно! Горят неоновые огни, светятся рекламные щиты, мчатся роскошные автомобили, звенят стеклянные двери. Из окон многоэтажек льется золотое сияние. Там вдоль дороги, постукивая каблучками, ходят путаны. Тут в кустах сношаются дворняги. Смятые газеты, конфетные обертки, пакетики из-под чипсов и прочий мусор весело кружится над черной водой. Люди живут так же, как жили вчера. Неужели они не знают о том, что произошло сегодня утром? Разве они не слышали пальбы и криков? Разве они не знают, что наркоторговец Сеткин в плену у Трех Толстушек? Может быть, ничего и не случилось? Может быть, я съел что-то не то, и у меня были галлюцинации?»

На углу, где горел фонарь, вдоль тротуара стояли такси. Мелкие уличные барыги продавали дурь, расфасованную в маленькие порционные пакетики. Таксисты переговаривались с барыгами.

– Его заставили пройти по чертовой красной дорожке от начала и до конца. Бедолага!

– Я слышал, его усадили в глубокое массажное кресло. Такое, которое массирует все – шею, спину, руки и даже ноги. Там для ног специальная платформочка есть. А кресло то стоит во Дворце Трех Толстушек, – сказал толстый чернокожий таксист с алой помадой на губах и небесно-голубыми тенями на веках.

Тут к барыгам подошла дама в бикини с девочкой в коляске, чтобы купить вечернюю дозу.

– Кого посадили в кресло? – заинтересовалась она.

– Наркоторговца Сеткина. Гвардейцы Трех Толстух взяли его в плен.

– Ну и слава богу! – сказала дама.

Девочка захныкала.

– Отчего же ты плачешь, глупенькая? – удивилась дама. – Ты жалеешь наркоторговца Сеткина? Не надо его жалеть. Он хотел нам вреда. Он желал стать монополистом. Знаю я эту схемочку. Сперва Сеткин обещает кайф для всех и совершенно бесплатно. Потом, когда приходит к власти, убирает всех конкурентов, а цены на дурь повышает в два, а то и в три раза. Посмотри, какие роскошные шишки у этого барыги...

Большие бугристые шишки с пушистой пылью, как спящие шмели, мирно лежали в прозрачных пакетиках, разложенных на столике перед барыгой.

– Вот тебе три пакетика. А плакать незачем. Они бизнесмены. Если их не сажать в расслабляющее массажное кресло, то они заберутся не только в наши кошельки. Нет, крошка, они проникнут прямо сюда, – дама постучала пальцем по своему виску. – Они поселятся в наших мозгах, как черви. Будут рыть в них ходы и тоннели. Станут совокупляться в наших черепах, откладывая яйца в наших глазных яблоках. А когда из яиц вылупятся маленькие бизнесмены, наши глаза лопнут вот так – ПЫФФФ! Но это будет еще не конец, о нет. Ты будешь молить о смерти, но они сперва вскроют твой животик, размотают кишки и заставят тебя их съесть – сантиметр за сантиметром. Затем они примутся за твой язычок и...

Дама отвлеклась на пробежавшего мимо мальчишку. Тот дернул сначала даму за резинку ее трусов, расшитых звездами, а после девочку за ее косичку.

– Ничего, кисуля! – крикнул мальчишка. – Наркоторговец Сеткин в кресле, зато артист Канатов на прогулочке!

– Ах, нахал! Я поняла! В твоём мозгу УЖЕ сношаются бизнесмены! Надо срочно вскрыть твой череп и...

– Мама, может быть, сегодня ты не будешь делать себе укольчики? Или хотя бы не станешь нюхать порошочек? Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, – канючила девочка.

Дама топнула ногой и перевернула коляску с девочкой. Барыги начали звонко смеяться. Чернокожий толстяк воспользовался суматохой и предложил даме сесть в такси и поехать.

Дама и девочка укатили.

– Подожди, блохастый! – крикнул барыга мальчику. – Иди-ка сюда! Расскажи, что ты знаешь...

Два таксиста со скрипом вылезли из автомобилей. Пугаясь в своих платьях и страусиных боа, они подошли к барыгам.

«Вот уд так уд! Удище!» – подумал мальчишка, глядя на длинный силиконовый фаллос, которым помахивал таксист. Мальчишке очень захотелось иметь такой же, но это было невозможно по многим причинам.

– Так что ты говоришь, гаденький? – спросил таксист фальцетом. – Артист Канатов на свободе?

– Так говорят. Я был в борделе...

– Разве его не посадили в такое же кресло, как Сеткина? – спросил другой таксист, тоже фальцетом.

– Нет, мамулька... Красавчик, подари мне одну дозу!

– Подожди, дурашка. Ты лучше рассказывай...

– Да вот, значит, так... Сначала все думали, что он тоже во Дворце. Потом искали его среди упоротых и не нашли.

– Может быть, он слился в какой-нибудь притон? – спросил таксист.

В разговор вмешался бомж, до того безучастно спавший прямо на дороге в луже собственной мочи.

– Кто слился? – спросил он. – Артист Канатов не такой мягкий творожок, как вы, девчонки. Его в сортире не сольешь. Артист Канатов живет по понятиям. Он еще всех за конкретно поставленный базар ответить заставит!

– Врешь, верблюду! – сказал таксист.

– Артист Канатов всех на пику посадит! – закричали барыги в восторге.

Мальчишка стянул дозу и бросился бежать. Капли с мокрого от пота мальчишки посыпались на доктора Гаспаряна. Серж вытер с лица капли пота, горькие, как слезы, и подошел ближе, чтобы послушать, что скажет бомж.

Тут разговору помешало некоторое обстоятельство. На улице появилась необыкновенная процессия. Впереди ехали две белоснежные кареты, запряженные такими же белыми лошадьми с гривами и хвостами, заплетенными в косички. Кареты были щедро украшены цветочными букетами и гирляндами разноцветных фонариков, от которых вечерний сумрак раступился, и стало светло, как днем. Затем двигался забавный микроавтобусик розового цвета с гербом Трех Толстухек.

А позади шли автомеханики. Их было сто.

Они шли с засученными рукавами, готовые к работе – в фартуках, с инструментами под мышкой, чисто выбритые и практически не распространяя вокруг себя запах перегара. По обе стороны процессии ехали полицейские. Они сдерживали лошадей, чтобы те случайно не затоптали кого-нибудь из граждан, переживающих наркотический трип на проезжей части.

– Что это? Что это? – заволновались прохожие.

В розовом автобусике с гербом сидела бывшая одноклассница и Лучшая Подружка Трех Толстухек. Барыги перепугались, что процессия отвлечет все внимание на себя, и клиенты забудут, что хотели купить дурь. Подняв ладони к щекам, они смотрели на голову Лучшей Подружки. Она была видна через открытое окошко автобусика. Голова с волосами, выкрашенными в зеленый, розовый и голубой цвета, со смешным острым носиком и круглыми лучистыми глазами улыбалась и с интересом разглядывала все происходящее вокруг. Казалось, что в автобусике сидит очень любопытная экзотическая птичка.

– Поберегитесь, пожалуйста! Будьте чуточку осторожнее, уважаемые граждане! Соблюдайте правила безопасности, будьте так любезны! – кричали полицейские.

– Куда идут автомеханики? – спросил маленький барыга старшего полицейского.

И полицейский, улыбнувшись и козырнув маленькому барыге, ответил приятным баритоном:

– Отличный вопрос, малыш! Я так рад, что ты его задал. Это очень правильная гражданская позиция – искать ответы на интересующие тебя вопросы. И получать ответы у официальных лиц, вроде меня, – это очень мудро. Автомеханики идут, чтобы подготовить лимузины! Понимаешь? Автомеханики подготовят десять роскошных лимузинов, все в них проверят – каждый болтик и винтик! Чтобы лимузины работали долго и без поломок, и чтобы радовали своих новых хозяев.

– А!

Барыга уронила лоток. Пакетики с дурью рассыпались по мостовой, как сухие осенние листья.

– Они идут подготавливать лимузины! – повторил доктор Гаспарян. Он пришел в ужас от того, что не может вспомнить – что такое лимузин.

– Первоклассные лимузины! – воскликнул полицейский, оборачиваясь и одаривая приветливой белозубой улыбкой всех прохожих. – Лимузины премиум класса всем мятежникам! Всем шалунам по лучшей в мире тачке! Всем, кто заблуждался, считая, что власть Трех Толстухек несправедлива и порочна!

У доктора Гаспаряна закружилась голова. Ему показалось, что он снова упадет в обморок.

«Я слишком много пережил за этот день, – сказал он про себя, – и кроме того, я очень голоден и зверски устал. Или наоборот... Нужно поторопиться домой, где бы этот дом ни был».

В самом деле, доктору пора было отдохнуть. Серж так был взволнован всем происшедшим, увиденным и услышанным, что даже перестал переживать из-за потери пистолета. Хуже всего было, конечно, без контактных линз.

– Дружочек, скажите, пожалуйста, не знаете ли вы случайно, где проживает светила отечественной медицины и просто гениальный доктор Серж Гаспарян? – обратился доктор к таксисту, радуясь собственной сообразительности.

– Сажай свой дряхлый задик в машинку, папик. Домчу быстрее, чем ты успеешь сказать «какая дерзкая попка у этого симпатичного паренька за рулем»! – подмигнув доктору, сказал толстый чернокожий таксист.

Глава III

Площадь Почти Всех Звезд

Доктор Гаспарян возвращался домой. Он ехал по широчайшим асфальтовым улицам, которые были ярко освещены, и цепь фонарей бежала над ним высоко в небе. Фонари походили на шары, наполненные ослепительным кипящим серебром и золотом. Вокруг фонарей кружилась в танцевальном транс и гибла на рейве мошкара. Серж ехал по набережным, вдоль каменных оград. Там бронзовые львы, чью милоту не убавляли даже острые когти и клыки, держали в лапах щиты и высовывали длинные языки. Внизу медленно и густо шла черная вода,

похожая на ночное августовское небо из-за созвездий плавающего в ней мусора. Город опрокидывался в воду, тонул, уплывал и не мог уплыть. Он искажался и расплывался в отражении, как в глазах одурманенного торчка. Доктор ехал мостами, изогнутыми в виде арок. Снизу или с другого берега они казались кошками, выгибающими перед прыжком железные спины. Здесь, у въезда, на каждом мосту располагалась охрана. Полиция бдительно следила, чтобы кто-нибудь, перебрав дури, не упал в воду, или, паче того, не решился бы шагнуть навстречу холодным черным глубинам из самоубийственного малодушия.

Доктор Гаспарян ехал, смотрел и слушал.

С улицы, из домов, из раскрытых окон питейных, курительных и нюхательных заведений, из-за дверей ночных караоке-клубов неслись отдельные слова песенки:

Попал наш Сеткин в кресло
Массирует то чресла
Теперь, коль он расслаблен,
Толстухам неопасен

Молодой человек, на последние гроши купивший щепотку дури, подхватил мотив. У парня вчера родилась дочка – вторая, старшей было уже полтора года. Он не имел и не желал иметь никакой работы, зато обладал солидным количеством долгов и непогашенных кредитов. Поэтому он был, конечно, недоволен тем, что переворот не удался. Молодой человек не сомневался в том, что долги, накопленные при прежнем режиме, будут автоматически списаны новой властью, как антинародные.

В зоопарке шло большое представление. На сцене в свете софитов три панды в юбочках и с бантиками на головах изображали Трех Толстушек. Фокстерьер бренчал на гитаре, неторопливо беря блатные аккорды. Клоун в малиновом пиджаке, с золотыми перстнями на пальцах и с массивной золотой цепью якорного плетения на шее, в такт музыке декламировал стихи:

Как матушки родные мне
Толстушки три, базара нет!
У них важнее нет забот,
Чем улыбать всех прямо в рот
Надюха, Люба и Верок,
Мотайте вы подольше срок!

– Мотайте! Мотайте! И пусть мотают! И подольше! Как можно дольше! – кричали со всех сторон попугаи.

Шоу вышло невероятное. Звери в разных клетках начали подрыкивать, подпискивать, подщелкивать и подсвистывать настолько мелодично, насколько это вообще возможно.

Панды, кажущиеся ленивыми и неповоротливыми, демонстрировали чудеса акробатики и спортивной аэробики. Они в зажигательном танце подбрасывали друг друга в воздух, кувыркались и садились на шпагат, делали сальто и тройные тулупы с переворотом. При этом животные улыбались и приветливо помахивали зрителям пухлыми лапами.

Тем временем в публике произошел скандал. Особенно шумели те, кто был потолще. Толстяки с покрасневшими щеками, трясаясь от злости, швыряли в клоуна пивные банки, ведерки с попкорном и чипсы начос. Толстая дама в крошечном топике, туго обтягивающем ее многоярусный стан, замахнулась, чтобы швырнуть на сцену недоеденный трехпалубный сэндвич с четырьмя сортами мяса, пятью видами сыра и майонезом. При этом ее длинные накладные ногти зацепили пышногрудую соседку, сорвав с нее верх миниатюрного купальника.

– Ах, ах, ах! – закудаhtала соседка и воздела руки к груди – помимо ткани купальника ногти прорвали кожу, из-под которой потек силиконовый гель.

Панды, не обращая на творящееся под сценой безобразие ни малейшего внимания, продолжали кружиться в танце – легко и непринужденно.

– Это возмутительно! Совершенно неприемлемо! – визжали пухлые зрители. – Это дискриминация и издевательство! Ложь и провокация! Полные люди не могут так двигаться! Это противоестественно! Вы заставляете нас стесняться своих прекрасных тел, данных нам господом богом! Мы вас всех засудим! Вам не удастся сломить наш дух, уничтожить нашу индивидуальность и растоптать наше достоинство! Мы против демонстрации того, чего не можем повторить сами! **ЖИРНЫХ ПАНД НА МЫЛО!**

– Ха-ха-ха! – заливалась другая часть публики, потоньше на вид и явно предпочитающая еде наркотические средства различной степени тяжести. – Bravo! Bravo! Карликов бы еще! И других уродов! Уродов хотим! Вот придет к власти артист Канатов, он все как надо сделает! К черту Трех Толстух! Кайф для всех!

В это время раздался чей-то очень громкий крик:

– Пожар! Город горит!

Люди, и толстые и тощие, позабыв о своих оскобленных чувствах и жажде посмотреть на уродов, давя друг друга и опрокидывая скамейки, побежали к выходам. Работники зоопарка просили их соблюдать спокойствие и пропускать вперед детей, женщин и стариков, но тщетно.

Таксист, который вез доктора, повернулся и сказал, указывая впереди себя искусственным фаллосом:

– Ну и делишки, сахарок! Похоже, что наркоманы поджигают спальные районы. Они думают, что артист Канатов ныкается где-то там. Хотят его выкурить, чтобы он поскорее наваллял Толстухам.

Над городом, над подпирающими небо массивами многоэтажных домов дрожало розовое зарево.

Такси доехало до городской площади Почти Всех Звезд, но оказалось, что проехать через нее невозможно. При въезде столпилась масса автомобилей, автобусов, коммунальной спецтехники и других транспортных средств.

– Что такое? – спросил доктор Гаспарян.

Никто ничего не ответил, потому что все были заняты тем, что происходило на площади. Таксист по пояс высунулся из окна автомобиля и стал тоже глядеть туда, открыв Сержу роскошный вид на его «дерзкую попку» невероятных размеров.

Площадь была окружена огромными, одинаковой высоты и формы домами и покрыта стеклянным куполом, что делало ее похожей на колоссальный цирк. В середине купола, на страшной высоте, горел ярчайший в мире фонарь. Это был удивительной величины шар, висевший на мощных тросах и напоминающий звезду по имени Солнце. Ни на площади, ни в домах, ни на улицах поблизости не требовалось больше никакого света. Звезда освещала все закоулки, все уголки и даже нужники во всех домах, окружавших площадь каменным кольцом. За счет искусственной звезды, горящей круглые сутки, люди, к недовольству торговцев электроэнергией, обходились без ламп (недовольство же самих жителей вызывала невозможность заснуть при таком ярком свете). Но называли эту площадь площадью Почти Всех Звезд по совершенно другой причине. Однажды на ней состоялся гала-концерт с участием почти что всех звезд здешней эстрады. Не выступил только артист Канатов. В день концерта он на пару с наркоторговцем Сеткиным снюхал столько дорожек, что едва не умер – какое уж тут выступление.

Таксист смотрел вверх крыш автомобилей и людских голов – лысых и прикрытых париками, испещренных татуировками и несущих гребни ирокезов, увенчанных вавилонскими башнями из волос и всевозможными головными уборами из ткани, перьев, меха, пластика, коровьих и козьих рогов, рыбьей чешуи, свежего мяса и материалов, названия которых были мало кому известны.

– Что вы видите? Что там происходит? – волновался доктор Гаспарян, выглядывая из-за задницы таксиста как можно осторожнее, чтобы в случае внезапной перестрелки не поймать шальную пулю. Но Серж ничего не мог увидеть, так как был близорук, а контактные линзы остались где-то среди развалин старой башни.

В обмен на обещание Гаспаряна оплатить показания счетчика в полуторном размере, таксист принялся передавать ему все, что видел сам:

– Господь наш плешивый, скорбящий на колченогой лестнице! О, папик, ты бы это только видел! Ваще улет, изюминка ты моя сморщенная! Тут такое творится – писюнами сушеными продристаться можно! О-хо-хо, любите меня семеро смелых! Ставлю жопу на район, что ты, ковбойчик, такого за всю свою никчемную жизнь не видал! Это просто что-то, уж поверь мне, ушлепочек мой дряхленький! Я таких видов видывал, да с проглотом, что тебе и при поллюциях не снилось!

– Простите, что перебиваю вас, уважаемый, но нельзя ли поподробнее описать то, что касается непосредственно событий, происходящих на площади, а не ваших, не спору, весьма ценных, переживаний по их поводу?

– Так я ж тебе и говорю, дурилка ты неумная, волнение на площади такое большое, что прям ой мамочки мои. Людишки так и бегают, так и суетятся – у меня прям голова кругом, ой, как бы не стошнило. Ну, чисто не площадь, а каруселька. Все крутятся, скачут с одного места на другое, как блошки, да наверх поглядывают. А чего они там не видели-то, а? Божечки, кругом одни дебилы и уроды!

Чудовищный фонарь, пылавший на высоте, ослеплял глаза, как солнце. Люди задирали головы кверху и прикрывали глаза ладонями.

– Вот он! Вот он! – раздавались крики.

– Вот, смотрите! Там!

– Где? Где?

– Выше!

– Канатов! Канатов!

Тысячи указательных пальцев и почти столько же средних вытянулись влево. Там стоял обыкновенный дом. Но в каждом из двадцати пяти этажей были растворены все окна. Из каждого окна торчали головы. Они были разные по виду: некоторые в черных кожаных масках и с кляпами; другие в розовых чепцах и с густыми бородами; третьих отчаянно рвало. Наверху, где жила молодежь, из густых облаков едкого травяного дыма выглядывали бледные лица с темными кругами под глазами. Этот дом с растворенными окошками и с высунутыми головами походил на соты гигантского осинового гнезда, заполненные ворочающимися белесыми личинками. Все головы, вывертываясь, как удобней, и рискуя вытащить за собой своих обладателей, что угрожало полетом с высоты на мостовую, старались увидеть нечто очень их интересующее, что происходило на крыше. Это было так же невозможно, как увидеть собственные уши без зеркала. Таким зеркалом для этих людей, хотевших увидеть собственную крышу из собственного дома, была толпа, бесновавшаяся на площади. Она видела все, кричала, размахивала руками: одни выражали восторг, другие яростно негодовали.

Там по крыше неуклюже двигалась круглая человеческая фигурка. Она медленно и неуверенно спускалась по склону треугольной верхушки дома. Железо гремело под ее ногами.

Она потешно махала толстыми руками, лоя равновесие, как будто пыталась то ли взлететь, то ли поплыть по невидимой реке.

Это был артист Канатов.

Народ кричал:

– Ну, Канатов! Вот так Канатов!

– Поди, тоже лимузин от Трех Толстух получить хочет!

– Он новый закон и порядок хочет! Кайф для всех!

– Сыграть в птичку он хочет! Петух бройлерный!

– Держись! Спускайся! Дай жара Толстухам!

– Падай, жиробас! Раскрась мозгами мостовую!

- Он не упадет! Не дождетесь!
- Еще как упадет! Он же обдолбан!
- Он всегда обдолбан, но еще никогда не падал!
- Да всегда он падал!
- Ну и что? Не с крыши же!
- Потому что ему крышу уже давно снесло!
- Щас мы вам крышу снесем, выродки!
- Щас мы вам ваши крыши в ваши же подвалы позапихиваем!

На площади Почти Всех Звезд завязалась драка, а Канатов мелкими шаткими шажками продолжал свой страшный путь.

– Откуда он взялся? – спрашивали люди, не вовлеченные в драку. – Как он появился на этой площади? Как он попал на крышу?

– Он, поди, и сам хотел бы знать ответы на эти вопросы, – отвечали другие, хихикая. – Вон как его штормит.

– Это все очень хитрый и хорошо продуманный, но совершенно секретный план, – возражали третьи. – Он бежал, исчез, потом его видели в разных частях города, и вот он тут. Он вечно под кайфом, и в том его искусство. Он разрушит этот прогнивший строй, навязанный Толстухами. Как? Пока что это неизвестно! Но все будет именно так!

На площади появились полицейские. Они пытались пробраться сквозь толпу, не распиная людей и не наступая им на ноги, но это было невозможно. Канатов запнулся, пошатнулся, перевалился через барьер и повис на карнизе. Он беспомощно и вяло размахивал руками и ногами – от падения его удерживал зеленый плащ, ворот которого весьма удачно зацепился за водосточную трубу.

С этим же плащом, надетым поверх леопардового жилета, в этом же розовом трико с большим гульфиком из черной кожи, народ привык видеть его на праздничных телешоу и корпоративах.

Теперь под стеклянным куполом, огромный и толстый, но кажущийся на такой высоте маленьким, Канатов был похож на экзотического жука. Когда полы плаща раздувались, казалось, что жук раскрывает зеленые блестящие надкрылья и вот-вот выпустит крылышки.

– Сейчас ты свалишься, и кто тогда положит конец беспределу Трех Толстух?! Братишка, мать твою, не делай этого! Не подведи меня, сукин ты сын! – закричал молодой человек, у которого недавно родилась вторая дочка, и было множество долгов.

Тем временем полицейским удалось выбрать удобную позицию и натянуть брезентовое полотно, чтобы поймать Канатова и спасти его жизнь, если тот все же сорвется. Офицер бегал крайне озабоченный. В руках он держал мегафон, но боялся им воспользоваться – поблизости было слишком много людей, чьи барабанные перепонки мог повредить громкий звук.

Внезапно наступила полная тишина, и даже драка сама собой утихла. Доктор почувствовал, что ничего хорошего ждать не стоит. От ужаса и отсутствия малейшей возможности немедленно перенестись в какое-нибудь безопасное место, Гаспарян схватился за сердце, которое прыгало, как яйцо в кипятке.

Канатов продолжал болтаться на водостоке. Оставалось только ждать, когда ткань плаща наконец устанет держать его грузное тело и разорвется.

Офицер полиции с мегафоном перебрался на другую сторону площади, где было меньше людей. Здесь он встал рядом с бассейном и фонтаном, бившим из круглой каменной чаши.

– Уважаемые граждане, пожалуйста, сохраняйте спокойствие, – сказал офицер в мегафон. – Я уговорю Канатова не рисковать своей жизнью и проинструктирую, как ему приземлиться точно на брезент. Прошу вас не беспокоиться, у меня есть диплом по ведению переговоров с людьми, склонными к суициду.

От девяти домов, со всех сторон, к середине купола, где сияла Звезда, тянулось девять стальных тросов, сплетенных из проволок, каждая толщиной с якорный канат. Казалось, что от фонаря, от пылающей великолепной Звезды, разлеталось над площадью девять черных длиннейших лучей.

Неизвестно, о чем думал в эту минуту Канатов и был ли он в принципе способен соображать. Но, к удивлению собравшихся, он срывающимся голосом прокричал следующее: «Мамку свою уговаривай ляжки перед тобой раздвинуть, мусорок! Я перейду над этой гребаной площадью по этой гребаной проволоке. Слышал? Через всю мать ее сраную сучью площадь, чтоб она сдохла. Это будет мое мать его гребаное выступление. Три Толстых суки будут знать, как называть площади не моим именем. Эта сраная площадь после моего триумфа станет не какой-то занюханной дырой Почти Всех Звезд! О, нет, гребаные мусора! Она станет площадью единственной мать ее настоящей Звезды – площадью мать его Канатова!»

Офицер снова поднес мегафон ко рту. Не отрывая взгляда от болтающегося Канатова, он морщил лоб, мучительно соображая, как успокоить невменяемого артиста и отговорить его от очевидного самоубийства. Канатов же раскачивался на воротах плаща, вытягивая руки в сторону проволоки. С каждым качком амплитуда его колебаний увеличивалась, но было ясно, как белый день, что попытки артиста обречены на провал.

Послышался треск расплзающейся ткани. Толпа ахнула.

Артист Канатов упал. Но не на мостовую, и не на брезентовое полотно. Он ввалился прямо в распахнутое окно верхнего этажа, смяв своей тушей выглядывающего наружу обитателя квартиры.

Через секунду Канатов, грозно потрясая кулаком, снова появился в оконном проеме: «Думаете, облажался Канатов? Хрена вам лысого! Да, меня адски плющит и колбасит. Но гребаное мать его представление состоится!».

Вскоре Канатов опять показался на крыше. Он шел то очень медленно, то вдруг пускался почти бегом, быстро и неуклюже переступая, покачиваясь и спотыкаясь. Каждую минуту казалось, что он упадет. И когда Канатов приблизился к краю крыши, в полной тишине раздался голос офицера:

– Господин Канатов! Если вы не хотите щадить себя, то подумайте о ваших родственниках, друзьях и близких! Для них утрата вас станет большим горем. Умоляю вас, не причиняйте им боль!

– Мои близкие – это три десятка шлюх из борделя на районе! Да пились они все ножовкой! Понял, мусорок языкастый?

– В таком случает, подумайте о тех людях, которые стоят на этой площади сейчас! Ваша гибель, произойдет на их глазах, неминуемо травмирует их психику! Проявите благоразумие и благородство!

– Плевать я на них мать твою хотел! Все они сучата штопаные! – Канатов продолжал кричать, а офицер почему-то свалился прямо в бассейн.

Он был убит.

Один из полицейских держал пистолет, из которого шел голубой дымок. Он застрелил офицера.

– Прости, дружище, – сказал полицейский. – Но ты реально задолбал орать в свой матюгальник. У нас тут свободная страна – хочет человек с крыши прыгнуть, так не твое это собачье дело. Пусть прыгает на здоровье. И вообще, надоело мне с этими гражданскими цацкаться. Эй, ребятки, есть тут еще самоубийцы потенциальные? Налетай, у меня пуль для всех хватит!

Люди, отвлекшись от Канатова, молча смотрели на полицейского с обнаженным пистолетом и медленно пятились подальше от него.

– Что ты такое говоришь, брат?! – воскликнул другой полицейский. – Своими словами и действиями ты порочишь мундир и пачкаешь честь всей полиции!

– Да к черту твой мундир! – огрызнулся убийца офицера. – И честь можешь засунуть себе туда, где даже этот клятый фонарь-Звезда светить не будет.

– Но ты ведь давал клятву служить и защищать.

– Да, давал... – полицейский опустил глаза и пистолет. – Но в нашем городе все сплошь уроды, извращенцы, наркоманы и умственно неполноценные! Тут такое дерьмо творится, что сил больше нет его расхлебывать.

– На то нам и даны полномочия. Мы предостерегаем неосторожных, уберегаем небрежных, думаем за умалишенных. В этом наша задача и священный долг. Мы защитники и стражи порядка. Неужели ты забыл об этом, брат?

– Вот прямо сейчас стараюсь забыть раз и навсегда.

– Но ты ведь присягал на верность Трем Толстушкам...

– Да... помню тот день. Из их рук я получил свои первые погоны и жетон... Но... – полицейский закрыл лицо ладонью, чтобы никто не видел его слез. – Но это ничего не значит для меня больше!

– Правда? Ты уверен, брат?

– Да! То есть... – полицейский разрыдался в голос. – Я не знаю! Сегодня от меня ушла жена! Она сказала, что не может делить меня с этим проклятым городом и всеми его ублюдками. Она забрала с собой моих сыновей и дочку. Дочку, Карл! Ей было всего полтора года! После того, как жена сказала, что не собирается больше спать с таким грязным куском мусора, как я, малышка была моей единственной отрадой. Ты понимаешь, Карл?!

– Я понимаю, что у тебя выдался не лучший денек. Но тогда, вручая погоны и жетон, Три Толстушки доверили тебе самую важную миссию в мире – быть ими там, где они сами быть не могут. Понимаешь ли ты это?

– Да... Черт... Боже... Что я натворил!

– Да здравствуют Три Толстушки! – закричали остальные полицейские.

Тут произошло такое, чего никто не ожидал. С крыши раздался сиплый вой артиста Канатова: «Вы там совсем опухли?! Я тут только что исполнил то мать его, что обещал! Я перешел по сраным тросам над гребаной площадью туда и обратно! Ага, два мать их раза! А вы, сучата, даже не смотрели! Хер вам всем, а не кайф! Обломитесь! Я ухожу! Такой дерьмовой публики я уж точно мать мою не заслужил!»

Круглая фигурка, стоящая на крыше, вытащила что-то из-под полы плаща. Раздался хлопок выстрела и звездный фонарь мгновенно потух.

Никто не успел сказать ни слова. Сталось страшно темно и ужасно тихо, как в сундуке маньяка-потрошителя, где он хранит свои неспешно разлагающиеся трофеи.

В следующую минуту свысока послышался вопль: «Мать! Гребаный! Сука! Мизинец ушиб! Гадская темнота!». Затем последовал еще один выстрел и звон осыпающегося стекла. На темном куполе возникла бледная клякса. Все увидели кусочек неба с двумя маленькими звездочками. Потом в это пятно по фону неба с трудом протиснулась круглая фигурка, и было слышно, как кто-то, хромая и спотыкаясь, побежал по стеклянному куполу.

Артист Канатов покинул площадь Почти Всех Звезд, название которой было ему неприятно до крайности.

Таксисты больше других испугались выстрелов и внезапной темноты.

Машина, в которой сидел и ежесекундно все больше сидел доктор Гаспарян, едва не опрокинувшись от крутого старта, рванула вперед. Испортив воздух, толстый чернокожий таксист резко крутанул руль и повез Сержа окольным путем, чтобы не стать свидетелем еще какого-нибудь большого события.

В конце концов, с трудом и многочисленными потерями пережив необыкновенный день и необыкновенную ночь, доктор Серж Гаспарян вернулся домой. Стиратель-пыли-с-комиксов, почтенный Иван Никитович, встретил его на крыльце. Он был очень взволнован. В самом деле: доктор так долго отсутствовал! А пропади он, где еще найти дурака, который платит за то, что с коллекции его допотопных комиксов время от времени смахивают пыль? Иван Никитович активно всплескивал руками, ахал, качал головой и ругался:

– Где же мой плащ? Профукали? Ах, доктор, доктор, чулок вы штопаны! Где же ваши линзы? И их прокакали? Ах, ах, мудло вы этакое!..

– Иван Никитович, я, кроме того, обломал оба каблука и лишился великолепного пистолета-пулемета и памяти... Хотя... Все вернулось! Как на вашу личность, Иван Никитович, глянул, так сразу и память вся восстановилась!

– Память-то хорошо, но вот остальное – оно хоть денег стоило. Ах, какое несчастье! Какой же вы... Даже определения подходящего найти не могу, чтоб вас случаем не обидеть! Хотя... ммм... Хер вялый!

– Сегодня случилось более тяжелое несчастье, дорогой мой Иван Никитович: наркоторговец Сеткин попал в плен. Его посадили в массажное кресло! Вы себе можете такое вообразить?

Иван Никитович любил только себя, водку и своего говорящего попугая, а все остальное его в действительности мало волновало (за исключением благополучия доктора Гаспаряна, обеспечивавшего отличное состояние всех его любовей). Он слышал пушечную пальбу, он видела зарево над домами. Соседка рассказала ему о том, что сто автомехаников проверяют и доделывают на площади Благоденствия шикарные лимузины для мятежников. Но Ивану Никитовичу это было совершенно безразлично.

– Мне стало очень страшно, – соврал он. – Я закрыл ставни и решил никуда не выходить. Я ждал вас каждую минуту. Я очень волновался – вот ей богу, что не вру. Уж и раз книжонки и журналишки ваши от пыли оттер, и два, да и в третий раз пыль смахнул, а вас все нет...

Ночь кончилась. Заплатив Ивану Никитовичу за утраченный плащ, доктор Гаспарян снова занялся тем, за что ругал себя уже не первый десяток лет.

Среди всех возможных вредных привычек у него была одна-единственная – доктор имел большую книгу в кожаном переплете, и в этой книге Серж записывал свои рассуждения о важных событиях. Конечно, он понимал, что едва ли в действительности понимает что-нибудь хоть сколько-то важное. Но отучиться от ведения дневника не получалось никак.

– Надо быть аккуратным, – сказал доктор, подняв палец, и тут же плюнул прямо на кожаный переплет. – Да кого я дурачу! Но... Сегодня ведь правда был весьма необычный день. Да. Только сегодня. Последний раз. Торжественно клянусь, э... самому себе! А потом – ни-ни, даже если прямо у меня на глазах случится, например... Нет-нет-нет! Больше никогда!

И, несмотря на усталость, доктор Гаспарян раскрыл свою кожаную книгу, сел к столу и стал записывать:

«Творилось сегодня столько, что просто ой-ой-ой! Я готовился к приятной прогулке, а потом все пошло совсем не так, как я планировал. Там были всякие наркоторговцы, пушки, известные артисты и другие, но я-то показал им класс. Даже на сломанных каблуках, будучи без оружия и контактных линз, я вышиб из отморозков дерьмо всех цветов радуги. «Сегодня ваш счастливый день?» – спросил я их заранее. «Повезет вам? Или, может быть, мне? Ну что, щеночки, поиграем? Кто ваш папа, а? Ну же, подходите ближе. Хочу почувствовать запах страха из-под ваших трусливо поджатых хвостов!» – сказал я им. И они, задействовав природное чутье, так сильно развитое у примитивных существ, тут же поняли, что спасти свои жалкие жизни они могут, лишь вылизав...»

Тут доктор услышал позади себя шум. Гаспарян оглянулся, инстинктивно захлопнув дневник. На своей же кровати Серж увидел человека. Человек издал громоподобный храп и перевернулся на другой бок. Это был артист Канатов.

Часть вторая

Андроид наследницы Софьи

Глава IV Удивительные злключения продавца веселящего газа

На другой день на площади Благоденствия кипела работа. Автомеханики по винтику перебирали все десять лимузинов. Полицейские их подбадривали, приносили им сигареты, кофе и бутерброды. Автомеханики делали свое дело без особенной охоты – очень уж им хотелось выпить, и отнюдь не кофе.

– Какого лешего мы возимся с этими тачками для вонючих наркоманов-мятежников! – возмущались они.

– Думаю, для них подошли бы и лимузины в стандартной комплектации. А то весь фарш для них подавай.

– Они стреляли по Дворцу Трех Толстушек из пушек своих танков и самоходных установок. Пусть сами и доводят эти чертовы катафалки до ума. А у нас со вчерашнего дня трубы горят!

– Друзья, я вас прекрасно понимаю! – успокаивал тудяг старый полковник с пушистыми белоснежными усами. – Клянусь, что вы получите оплату сверхурочных в тройном размере! Вы уж расстарайтесь, ребяташки! Нехорошо же огорчать Трех Толстухек. А они очень хотят, чтобы машинки стали чудесными, точно конфетки. Руки ведь у вас золотые, друзья мои. Так уж покажите все свое мастерство, не скромничайте, дорогие мои.

С утра толпы народа с разных сторон направлялись к площади Благоденствия.

Дул сильный ветер, летел и кружился мусор, вывески раскачивались и скрежетали, бейсболки, шляпки парики срывались с голов и катились под колеса прыгающих автомобилей.

В одном месте по причине ветра случилось совсем невероятное происшествие: продавец оксида азота, более известного как веселящий газ, был унесен на воздух. Кроме ветра причиной этого происшествия стала неумная коммерческая фантазия и предприимчивость продавца. Узнав, что закись азота, добавленная в бензин или керосин, существенно повышает скорость сгорания топлива и заставляет двигатель буквально рвать с места, лопаюсь от мощности, продавец задумал небывалый рекламный перформанс для своего товара. Он купил на барахолке старый реактивный ранец, заправил его топливом с щедрой примесью веселящего газа, прицепил к ранцу баннер с яркой надписью «МОЙ ГАЗ ОКРЫЛЯЕТ» и взмыл ввысь.

Надо сказать, что продавец представлял свой полет совсем не таким, как он вышел в действительности. Бешено ревущий реактивный двигатель, совершенно озверевший от слоновьей дозы закиси азота, швырял торговца по небу то туда, то сюда, как пинг-понговый мячик, скачущий между ракеток. То он свечей взлетал вверх, то в крутом штопоре несся к земле. Рекламный баннер обмотался вокруг тела несчастного, спеленав его точно мумию египетского фараона. Торговец визжал от ужаса. Его желудок, кишечник и мочевой пузырь, не выдержав стресса, экстренно и синхронно опорожнились.

– Ура! Ура! – кричали дети, наблюдая за фантастическим полетом.

Они хлопали в ладоши: во-первых, зрелище было интересно само по себе, а во-вторых, некоторая приятность для детей заключалась в неприятности положения летающего продавца веселящего газа. Дети всегда завидовали этому продавцу. Его товар не только вызывал приступы эйфории и безудержного веселья, но к тому же имел приятный сладковатый привкус и запах. У продавца всегда была целая куча ярких баллонов с товаром – красных, синих, желтых и зеленых. Каждому хотелось иметь такой баллон. Но чудес не бывает! Ни одному мальчику, даже самому симпатичному, и ни одной девочке, даже готовой на все, продавец ни разу в жизни не подарил ни одного баллона: ни красного, ни синего, ни желтого, ни зеленого. «Любой баллон за ваши деньги. А бесплатно вон – можете с моста в реку прыгнуть» – говорил он.

Теперь судьба словно наказывала его за деловую хватку и верность товарно-денежным отношениям. Топливо в реактивном ранце прогорело, и продавец камнем полетел вниз. Когда до черной неприветливой мостовой оставались считанные метры, и катастрофа казалась неизбежной, продавцу немислимым усилием удалось высвободить из пут одну руку. В решающий момент он успел дернуть кольцо парашюта, и за его спиной распахнулся пестрый купол. Ветер радостно подхватил парашют, раздул его, как парус фрегата, и помчал продавца высоко в сверкающем синем небе.

– Караул! – кричал продавец, извиваясь в своем коконе как гусеница, и ни на что уже не надеясь.

На ногах у него были ботинки из кожи голубого каймана, купленные на распродаже с солидной скидкой. Размер скидки, по мнению торговца, с лихвой компенсировал то, что ботинки были на пять размеров больше остальной его обуви. «За маленькие деньги такие огромные ботинки! Вот, что я называю идеальной сделкой!» – решил тогда продавец веселящего газа. Пока он ходил в них по земле, все устраивалось благополучно. Для того чтобы башмаки не спадали, он тянул ногами по тротуару, как человек с симптомами детского церебрального паралича.

А теперь, очутившись в воздухе, продавец не мог уже прибегнуть к этой хитрости.

– Черт возьми!

Ноги болтались, точно отплясывая лихую джигу.

– Черт, возьми меня и опусти на землю невредимым! Забери душу мою бессмертную, но сохрани оболочку брентную! Заклинаю!

Ветер играл с парашютом, как припадок эпилепсии играет с телом больного – беспощадно и непредсказуемо. Подвешенный на стропах продавец, извиваясь и подвывая от ужаса, чертил в небе ломаные линии и крутился в немыслимых пируэтах.

Один ботинок все-таки слетел с его ноги.

– Смотри! Боеголовка! Боеголовка! – кричали дети, бежавшие внизу.

Действительно, падавший ботинок размерами, формой и цветом напоминал управляемую авиационную ракету «земля-поверхность».

По улице в это время проходил инструктор школы танцев на шесте. Он казался гораздо более изящным, чем полагается быть мужчине. Инструктор был длинный, с маленькой круглой головой, мелированной челкой, подведенными глазами и презрительно поджатыми губами под ниточкой нарисованных тушью усов. Тонкие ножки и костлявые бедра, обтянутые розовыми джинсами, и зеленый вельветовый сюртук на узеньких плечах делали его похожим на птицу фламинго, чья матушка согрешила с кузнечиком.

Деликатный слух инструктора, привыкший к печальным нотам эмбиента и трипхопа и нежным словам танцоров, не мог вынести громких, веселых криков детворы.

– Перестаньте кричать! – рассердился он. – Разве можно так громко кричать, упоминая головку всуе! Выразить восторг этим предметом нужно красивыми, мелодичными фразами... А лучше стонами – сперва тихими, еле слышными, на грани шепота, томными и мучительными. Затем чуть более дерзкими, настойчивыми, мотивирующими к продолжению и нарастанию темпа. И лишь в момент искрящейся кульминации можно позволить своему сладкому голосу разорвать плеву приличия и взять наивысшую ноту!

Он стал в позу и открыл рот, но не успел продемонстрировать детям, какие именно звуки им следует издавать. Как и всякий инструктор школы танцев на шесте, он имел привычку держать голову во вздернутом положении с легким наклоном назад и вправо, а взгляд его прикрытых глаз при этом был устремлен неизменно чуть вниз и влево! Увы! Он не увидел того, что делалось наверху.

Ботинок продавца веселящего газа несся прямо к его заду, привычно отставленному на полкорпуса назад. Хоть бедра инструктора были узкими, большой кожаный ботинок, прорвав джинсовую ткань, проник между ними в самом лучшем виде, как горячий нож в сливочное масло.

Тут уже и элегантный инструктор заурчал, как трансформаторная подстанция.

Из его тела наружу торчал лишь каблук ботинка.

Дети схватились за животы:

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Инструктор танцев Раздвиног
Любил головки боевые.
Но даже дикий носорог
Удовлетворить его не мог.
Но вот с небес по воле бога
Сошел любовник лучше всех,
Что знала жопа Раздвинога!

Так распевали мальчишки, сидя на заборе, готовые каждую минуту свалиться по ту сторону и улепетнуть.

– Ах! – стонал инструктор танцев. – Ах, какое порочное и от того немислимо будоражащее наслаждение! О, нет! Это не какой-то бальный башмачок! Это такой отвратительный, грубый, бесцеремонный башмак! Он рвет меня изнутри, ни капли не заботясь о моих чувствах... и это так свежо, так искренне, так феерично!

Кончилось тем, что инструктора танцев схватил серийный маньяк-убийца и утащил в подвал.

– Милый, – шептал маньяк, – ваш вид возбуждает во мне любопытство и гнев. Вы нарушаете божественную логику своей тягой к абсолютному пороку и страданиям. Этого не следовало бы делать вообще, а тем более в таком людном месте, но... Мой долг, как избранного орудия божьего, показать тебе настоящую чистую бесцеремонность, грубость и глубины боли. Через час я буду вынужден отправиться на службу во Дворец, но уверен, до того мы оба успеем получить максимум наслаждений.

Инструктор танцев на шесте заламывал руки, пытался вытащить из заднего прохода ботинок и вырваться из стальной хватки убийцы.

– Какая ложь! – рыдал он. – Какой поклеп! Я, человек, живущий среди музыки и улыбок во славу всевышнего, я, сама фигура которого подобна утонченному богомолу, – разве я могу нарушить божьи заповеди и возжелать чего-то противоестественного? Отпустите меня! Я опаздываю в церковь! О!.. О!..

Что было дальше с инструктором танцев, неизвестно. Да наконец, и неинтересно. Гораздо важней узнать, что стало с летающим продавцом веселящего газа.

Он летел, как хороший одуванчик, которому внезапно сорвало крышу.

– Это возмутительно! – вопил продавец. – Я не хочу летать. Я просто не имею права летать так долго, ведь я никому не платил за оказание данной услуги. Эту услугу мне подло навязали без договора или хотя бы устного согласия!

Все было бесполезно. Ветер усиливался, и ни один черт не спешил помочь продавцу. Парашют поднимался все выше и выше. Ветер гнал его к центру города, в сторону Дворца Трех Толстушек.

Иногда продавцу удавалось посмотреть вниз. Тогда он видел крыши, загаженные птицами и людьми, автомобили, похожие на лакированные ногти всевозможных цветов, узкую ленту реки, людей-карапузиков, занимавшихся своими делами и лежащих тут и там – мертвецки упоротых и действительно мертвых. Город поворачивался под ним, точно высокодетализированная интерактивная карта.

Дело принимало удачный оборот.

«Еще немного, и я упаду в Парк Трех Толстушек!» – обрадовался продавец.

А в следующую минуту он медленно, важно и красиво проплыл над истерзанными останками парка, опускаясь все ниже и ниже. Ветер успокаивался.

«Пожалуй, я сейчас сяду на землю. Меня заметят гвардейцы, проведут во дворец, сначала укутают пледом и напоят горячим кофе, а потом предложат бесплатный сеанс беседы с психоаналитиком, чтобы из-за пережитого стресса у меня не возникло каких-нибудь нежелательных последствий».

Однако его никто не увидел. Даже наркоманы, лежащие под единственным чудом уцелевшим кустом и уставившиеся в небо широко распахнутыми немигающими глазами. От летящего разноцветного парашюта падала легкая воздушная тень, подобная тени облака. Просвечивая кислотными красками, она скользнула по окровавленному гравию и земле, хранящей отпечатки недавней битвы. По статуям прекрасных муз с отстреленными головами и подрисованными перманентным маркером мужскими гениталиями. По траурным портретам гвардейцев, отдавших жизни во время защиты Дворца Трех Толстушек от вооруженных мятежников. И от этого с благородными и мужественными лицами гвардейцев произошли чудесные перемены. Сперва их лица стали синими, как у утопленников, потом зелеными, как у Ктулху, затем желтыми, как у сифилитиков, и, наконец, – красными, как у бесстыжих пьяниц. Так, меняя окраску, пересыпаются стеклышки в калейдоскопе, совершенно не беспокоясь, следит ли чей-нибудь любопытный глаз за их бессмысленной чехардой.

Приближалась минута облегчения: полет направлялся к раскрытым окнам дворца. Продавец не сомневался, что сейчас влетит в одно из них, точно тополиная пушинка, предвещающая обострение аллергии.

Так и случилось.

Продавец влетел в окно. И окно оказалось окном дворцовой кухни.

Сегодня кухня во Дворце Трех Толстушек пустовала. Скорбя о жертвах вчерашнего мятежа, Три Толстушки отказались от завтрака, который должен был быть праздничным в честь дня рождения одной из них. Несмотря на уговоры поваров и придворных, они решили воздерживаться не только от праздничных угощений, но и вообще от приема пищи в течение целого дня. А день предстоял ответственный – Три Толстушки собирались ехать на площадь Благоденствия.

Друзья мои, попасть в дворцовую кухню, оставшуюся без присмотра, – дело очень заманчивое. Особенно если больше изысканных яств вы, как продавец веселящего газа, любите только **БЕСПЛАТНЫЕ** изысканные яства в неограниченных количествах.

Влетая в кухню, продавец по одной лишь симфонии запахов и ароматов почувствовал в одно и то же время восторг и острую боль в животе, причиной которой стало резкое выделение огромной дозы желудочного сока. Так, вероятно, восторгается и страдает горький пьяница, тонущий в бездонном чане с брагой.

Продавец на своем парашюте, купол которого уже перестал наполнять шаловливый ветер, летел через кухню меньше минуты, он ничего не успел разглядеть как следует. Сперва ему показалось, что он попал в какой-то удивительный гастрономический рай, где пикантные устрицы, красношеие лобстеры, стейки из мраморной говядины, трюфеля, молочные поросята, пироги с начинкой из соловьиных язычков и многие другие блюда просто обязаны напевать гимн чревоугодию, приплясывая в бусах из белужьей икры и юбочках из засоленных и хитроумно сплетенных щупалец кальмаров и осьминогов. А в следующее мгновение он подумал, что сошел с ума, придумав будто бы Три Толстушки кушают такие банальные вещи, названия которых известны простолюдинам, вроде него самого. «Нет, тут должен быть тонко наструганный бекон из единорога, карпачо из хвоста мантикоры, грифоночная фуагра, фрикасе из филе ангелов и подающиеся объятые пламенем яички молодого демона!» – решил продавец. Сладкие головокружительные фантазии ударили ему в голову; недостаток кислорода от душащего баннера и резкого падения сперли ему горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.